

ФАКТОРЫ И ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СРЕДНЕВОЛЖСКОМ РЕГИОНЕ НА РУБЕЖЕ 1920–1930-х ГОДОВ

В статье на основе опубликованных источников и архивных материалов рассматривается влияние на индустриальную политику географического, экономического, личностного, административного факторов, раскрывается роль местных органов власти в формировании промышленной политики в Средневолжском регионе на рубеже 1920–1930-х годов.

Ключевые слова: промышленная политика, индустриализация, регион, факторы, районирование, плановый механизм, лоббирование.

Исследованию становления промышленности в Средневолжском регионе в советский период посвящены работы О.О. Акмурзиной, С.А. Бараховского, И.В. Блюмберг, М.З. Бора, В.Д. Зуева, А.В. Косихина, Т.Н. Кузьминой, М.Г. Лапаевой, А.Э. Лившица, К.Я. Наякшина, В.И. Рожкова, Л.П. Токмаковой, Н.А. Шарошкина и ряда других авторов. Несмотря на наличие опубликованных трудов, остаются малоисследованными сюжеты, без изучения которых невозможно получить полную картину индустриального развития. Один из таких сюжетов связан с факторами и особенностями формирования промышленной политики в регионах в начале советской индустриализации.

Региональная политика пересекается с промышленной в той степени, в какой затрагивает вопросы размещения производительных сил, а также использования земли и природных ресурсов. Экономическая структуризация в Средневолжском регионе протекала под воздействием многообразных факторов.

Плановое хозяйство потребовало деления страны на экономические районы, образованные по производственным признакам и представляющие в своей совокупности законченную систему региональных производительных сил, как планомерно развивающиеся части народного хозяйства. В качестве основного районообразующего признака рассматривался экономический фактор, возможность самостоятельного хозяйственного развития [5. Л. 1–2; 38. С. 55].

Особенно актуальным вопрос о районировании становится с середины 20-х гг. Руководители и специалисты каждого административно-территориального образования стремились доказать свои права на преимущества в будущем экономическом районе. Одни предлагали создать «Большую Волгу» — объединение волжских губерний от Астрахани до Чебоксар [14. № 4. С. 44], другие — деление на Нижневолжскую и Средневолжскую области. Столи-

* © Парамонов В.Н., 2009

Парамонов Вячеслав Николаевич (parmia@mail.ru), кафедра истории Отечества Самарского государственного университета, 443011, Россия, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

цей последней должна была стать Самара. Этот план вызвал возражения у руководства Татарии и Чувашии.

По сообщению журнала «Вестник Среднего Поволжья», «...намеченные к вхождению в область национальные объединения заняли или неустойчивую, неоднократно менявшуюся позицию (Чувашия) или отрицательную, доказывая целесообразность создания области в иных границах (Татреспублика)». В Казани был выдвинут проект создания «Волжско-Камского района с включением в него Татарской и Чувашской республик, Марийской и Вятской автономных областей. Самарские разработчики подчеркивали, что «Самара никогда не ставила вопрос о подчинении Татреспублики себе, как намечающемуся будущему центру области. Наоборот, всегда подчеркивалась необходимость лишь контакта в разрешении хозяйственных вопросов, общем направлении экономической политики и работе по планированию». Зато у них были претензии на Оренбургскую губернию, Башкирскую республику, Кузнецкий и Хвалынский уезды Саратовской губернии [2. 1925. № 1. С. 5–6; 34. № 1. С. 12]. Споры и взаимные претензии закончились в мае 1928 г. Постановлением ЦИК и СНК РСФСР была образована Средне-Волжская область «в составе губерний: Пензенской, Ульяновской, Самарской и Оренбургской». Центром области была определена Самара, а в октябре 1929 г. область была переименована в Средне-Волжский край [32. 1928. № 54. Ст. 407. С. 691–692; 1929. № 78. Ст. 757. С. 1143].

Регион имел выгодное географическое положение, находясь на пересечении важнейших транспортных путей и соединяясь практически со всеми регионами страны. Важным средством коммуникации была река Волга, использование которой делало доставку грузов более быстрой и дешевой. Однако неразвитость транспортной инфраструктуры, особенно железных и шоссейных дорог, негативно сказывалась на обеспечении нужд промышленности и экономики региона в целом. В первой половине 20-х годов на одну квадратную версту в Самарской губернии, наиболее экономически развитой в регионе, приходилась 0,01 версты железнодорожного пути [17. С. 15; 19. С. 116].

Промышленное развитие Средневолжского региона в 1920-х гг. уступало по темпам почти в 1,4 раза среднесоюзным и республиканским показателям [3. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2413. Л. 4; Ф. 1141. Оп. 20. Д. 2. Л. 2; 4. Ф. Р-674. Оп. 1. Д. 133. Л. 1]. В регионе превалировал аграрный сектор, дававший к началу первой пятилетки 78,8 % в общем объеме валовой продукции народного хозяйства (по СССР это показатель составлял 61 %, по Самарской губернии – 69,5 %) [16. С. 24; 33. С. 3]. В 1927–1928 гг. на душу населения по РСФСР производилось промышленной продукции на 102,5 руб., а по Средне-Волжской области – на 37,4 руб. [3. Ф. 1141. Оп. 20. Д. 20. Л. 2]. Имея 6,9 % населения РСФСР, регион давал 2,57 % промышленной продукции республики [28. Д. 737. Л. 66]. Удельный вес отраслей промышленности группы «А» в регионе составлял 14,6 % (без учета показателей по оборонным предприятиям) [4. Ф. Р-674. Оп. 1. Д. 260. Л. 46]. Основной капитал в промышленности был на 40–50 % изношен технически и на 80–90 % морально [3. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2413. Л. 6; Ф. 1141. Оп. 20. Д. 2. Л. 2; 23. С. 27; 31. С. 6]. Проблемой являлись как устаревшие морально и физически основные фонды, так и старые технологии.

Средняя плотность населения в регионе составляла в 1928 г. 21,9 человек на 1 км² [34. № 1. С. 13]. Коэффициент безработицы на 1 апреля 1929 г. составлял по региону 24,2 % против 16,8 % в среднем по СССР [3. Ф. 1141. Оп. 20. Д. 540. Л. 46 об]. Наличие трудоизбыточных ресурсов позволяло в перспективе обеспечить промышленный сектор кадрами.

В рамках планового механизма определяющим являлось государственное планирование, координирующее размещение ресурсов и нацеленное на создание фонда накопления. Средневолжский регион не рассматривался в планах как перспективный для развития промышленного комплекса и должен был обеспечить бесперебойное функционирование аграрного сектора и устойчивое сообщение между центральными и восточными районами страны [24, 25, 35].

В партийных, советских и хозяйственных органах губерний, входивших в регион, не было единства взглядов относительно дальнейшего развития экономики [22. С. 277–278]. В Самарском губисполкоме и губернской плановой комиссии распространенной была точка зрения, что в основу перспективного плана экономического развития региона должно быть положено сельское хозяйство [2. 1926. № 1. С. 8; № 2. С. 77–78]. На XV Самарской губернской конференции ВКП(б) (27 декабря 1926 г. – 1 января 1927 г.) констатировалось: «Уровень развития нашей промышленности уже и сейчас недостаточен для того, чтобы переработать, поглотить все те излишки сырья, которые накапливаются в с.-х. Необходимо расширение ее». Поэтому делегаты считали, что в основу пятилетнего перспективного плана строительства необходимо положить развитие предприятий по переработке продукции сельского хозяйства [3. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2160. Лл. 1–40; Ф. 655. Оп. 1. Д. 27. Л. 30; 28. С. 11, 34]. Разрабатывавшийся Генеральный план реконструкции народного хозяйства Самарской губернии на 1926/27–1941/42 гг. предусматривал рост производительных сил в регионе [18. С. 27]. В августе 1927 г. президиум Самарского губисполкома принял постановление о перспективном пятилетнем плане развития промышленности губернии [4. Ф. 84. Оп. 1. Д. 98. Л. 103–104].

Управляющим параметром планов являлись инвестиции. Курс на ускоренное развитие тяжелой промышленности обеспечивался преимущественным направлением капитальных вложений именно в этот сектор. В основу формирования планов был положен так называемый метод выбора главного звена. Перспективным пятилетним планом нового строительства промышленности Средне-Волжской области из 24 новых объектов планировалось построить 13 объектов промышленности группы «А», в том числе судостроительную верфь, заводы по производству строительных материалов, нефтеперегонный, сланцеперегонный, лесопильный, целлюлознобумажный, обогатительные фабрики по хрому, гранату, никелю. На новое строительство предприятий группы «А» Средне-Волжского края выделялось 75 330 000 рублей из 116 395 000 рублей [4. Ф. Р-674. Оп. 1. Д. 113. Л. 1; 27. С. 59–60]. Темпы развития металлопромышленности планировалось увеличить в 8,5 раз [подсч. по: 3. Ф. 656. Оп. 5. Д. 75. Л. 85].

Однако намеченные контрольные показатели пятилетнего плана развития были урезаны центральными органами, рассматривавшими Средневолжский регион как аграрный район страны. Так, стоимость строительства предприя-

тий металлической промышленности оценивалась местными органами власти в 35 500 000 руб., а центральными органами власти – в 10 500 000 руб. Местные органы власти оценивали затраты на новое строительство предприятий горнорудной промышленности в 1924 тыс. руб., а центральные органы власти – в 1 270 000 руб. [4. Ф. Р-751. Оп. 4. Д. 90. Л. 16; 6. С. 123; 27. С. 59]

Запланированный ВСНХ рост продукции за пятилетие (1928/29–1932/33 гг.) фактически вел к дальнейшему замедлению темпов промышленного развития региона по сравнению с соседними регионами. Например, в Нижне-Волжский район предполагалось за пятилетие инвестировать 471 млн рублей, в Вятский район – 421 млн рублей, а в Средне-Волжский район – 187,5 млн рублей [27. С. 582]. По распоряжению ВСНХ СССР на нужды индустриализации в Средневолжском регионе отводилось 1,15 % от всех затрат на промышленность страны за пятилетку [15. С. 63–64].

Изменения в районировании сказывались на качестве и темпах разработки планов в губерниях региона. Так, наметки первого пятилетнего первоначально разрабатывались для определенных территорий, а с образованием Средне-Волжской области изменилась система подчиненности промышленных предприятий, что потребовало корректировки пятилетних планов промышленного развития. С преобразованием области в край снова нужно было менять планы. Но такие перемены создавали одновременно возможность пролоббировать интересы региона, действуя в русле общегосударственной политики. Ведь региональные планы должны были стать составной частью единого первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР [8. С. 292]. На I областной партийной конференции (август 1928 г.) подчеркивалось, что «переход на новое хозяйственно-административное деление по всему СССР и районирование Среднего Поволжья создают условия для серьезного сдвига во всей работе социалистического переустройства области на основе ее общего хозяйственного и культурного подъема». Поэтому было решено проводить ускоренную индустриализацию на основе местных сырьевых возможностей [23. С. 187–188]. Объединенный пленум обкома и областной контрольной комиссии ВКП(б) (29 ноября – 3 декабря 1928 г.) рекомендовал советским и хозяйственным органам настаивать перед центральными органами о том, чтобы «та политика, которая проводится сейчас в смысле форсирования развития промышленности в восточном направлении, нашла отражение и для области в центральных планах» [3. Ф. 655. Оп. 2. Д. 19. Л. 384].

Для развития промышленности региона необходимы были серьезные капиталовложения. Промышленность работала в условиях финансового дефицита. В 1928 году обком ВКП(б) и облисполком Средне-Волжской области в докладной записке в ЦК ВКП(б) и правительственные органы «О состоянии и развитии промышленности области» охарактеризовали состояние промышленности региона как тяжелое и выдвинули предложения о большем содействии в решении проблем со стороны центральных органов [4. Ф. Р-779. Оп. 2. Д. 530. Л. 7].

Следует отметить целеустремленность и настойчивость местных руководителей, видевших перспективу превращения региона «из отсталого аграрного края в один из передовых индустриально-аграрных» [3. Ф. 1141. Оп. 42. Д. 56. Л. 40]. М.М. Хатаевич неоднократно отмечал благоприятное располо-

жение района на пересечении путей из Азии, из Сибири и из Центральной России и наличие «величайшей артерии, величайшего средства передвижения грузов на Волге» [3. Ф. 655. Оп. 1. Д. 3. Л. 38; Оп. 2. Д. 14. Л. 46]. В письме председателю ВСНХ СССР В. В. Куйбышеву 1 декабря 1928 г. он подчеркнул отсутствие хорошо разработанных, подготовленных, обоснованных и широко изученных проектов по развитию отдельных отраслей производства, а центральный аппарат обвинялся в косном подходе к решению этой проблемы. Автор настаивал на изменении отношения центральных органов власти к развертыванию промышленности региона [3. Ф. 655. Оп. 1. Д. 3. Л. 38–39].

Председатель областного совета народного хозяйства В.А. Хонин на совещании секретарей производственных ячеек ВКП(б) в декабре 1928 г. отмечал: «Если перед промышленностью нашего Союза ставится задача догнать и перегнать промышленность капиталистических стран, то перед нами ставится задача еще труднее...догнать, перегнать темп роста союзной промышленности» [3. Ф. 655. Оп. 5. Д. 82. Л. 10]. Позднее, анализируя разные варианты пятилетнего плана промышленного развития региона, он вопрошал: «Что мы имеем в пятилетнем плане Госплана? Полное отражение той политики, которая заложена в развитии промышленности, т. е. политики подтягивания отсталых районов, за исключением Средне-Волжского края... В большинстве районов удельный вес капиталовложений с 23,9 % в 1925 г. поднимается до 29,4 % в 1928 г. и доходит до 46,3 % в 1933 г. За счет каких районов? За счет понижения доли участия Центральной Промышленной области, Ленинградской, Западной области и... Средне-Волжского края» [37. С. 97–98].

М.М. Хатаевич утверждал, что Госплан РСФСР занизил сумму капитальных вложений в промышленное развитие региона [4. Ф. Р-779. Оп. 2. Д. 679. Л. 75]. В ответ председатель Госплана РСФСР Р.Я. Левин обвинил М.М. Хатаевича в своеволии, так как резолюции ЦК – это директивный документ как для центра, так и для краев, а М.М. Хатаевич ее превратил в тему для спора. Выступая в Самаре на II Средне-Волжской краевой партконференции (июнь 1930 г.), Р.Я. Левин озвучил проблему излишней самостоятельности местных органов власти, обвинив их не только в оспаривании директивных документов центральных органов власти, но и в превышении своих полномочий, так как они не считались в своей плановой работе с наметками перспектив развития в округах [3. Ф. 1141. Оп. 2. Д. 45. Л. 98].

Фактически в этом споре был поднят вопрос о распределении полномочий между общегосударственным и региональным уровнем власти. Внешне это выглядело как перетягивание каната, когда на общегосударственном уровне заявлялось, что мы все сделаем сами, а вы должны только исполнять. А местные власти в ответ говорили: а откуда вы знаете детали, которые есть в каждом регионе. Конечно, в условиях формировавшейся командно-административной системы ни о какой самостоятельной политической роли партийной, советской, хозяйственной элиты региона говорить, разумеется, не приходилось. Однако, используя номенклатурные механизмы советского государства, традиции землячества, местные руководители упорно проводили в жизнь социально-экономические установки на индустриальное развитие региона. На наш взгляд, малоисследованной остается проблема влияния фактора землячества, родства на принятие тех или иных решений. Так, скорее

всего, успешному решению вопроса о повышении темпов развития промышленности в Средневолжском регионе наряду с другими причинами способствовало личное длительное знакомство и совместная работа в Самарском губкоме РКП(б) в 1918-1919 гг. председателя ВСНХ СССР В.В. Куйбышева и первого секретаря обкома (с 1929 г. крайкома) ВКП(б) М.М. Хатаевича [3. Ф. 1. Оп. 1. Д. 36. Л. 39; Д.152. Л. 116а, 117–117б; Д. 2532. Л. 14; Ф. 3500. Оп. 1. Д. 240. Л. 76; 7. С. 292–293; 26. С. 147–148].

Кроме того, региональные власти видели в лозунгах промышленной политики возможность «выбить» из государства поддержку и дотации для развития экономики. При этом учитывался опыт регионов Урала, Сибири, Поволжья, стремившихся к промышленному развитию регионов и добившихся позитивных результатов в своих действиях [9. С. 574; 36].

На ноябрьском пленуме ЦК ВКП(б) в 1929 году М.М. Хатаевич подчеркнул, что при строительстве новых промышленных предприятий следует иметь в виду фактор безопасности на случай нападения капиталистических стран, поэтому лучше построить их ближе к Волге [10. С. 69]. Географическое положение края, по его мнению, способствовало построению промышленности, работающей на оборону, например такой, как пороховой и обозостроительной [3. Ф. 655. Оп. 1. Д. 16. Л. 207]. Региональные власти уловили, что в конце 1920-х годов советское руководство стало рассматривать развитие базовых отраслей под углом зрения, прежде всего военной, и лишь затем экономической целесообразности. Сравнительно безопасной считалась зона от 500 до 1500 км от внешних границ [29. Д. 22. Л. 13]. Это было в пользу Средне-Волжского края.

16 декабря 1929 г. Средневолжский крайком ВКП(б) направил в ЦК партии аргументированные предложения о значительном повышении темпов развития промышленности края, о пересмотре пятилетнего плана развития промышленности «... в сторону его значительного расширения». Контрольные показатели валовой продукции предлагалось увеличить на 200,7 % от первоначального объема и они должны были в перспективе составить 1128 тыс. руб. То же относилось и к капитальным затратам; их планировалось увеличить на 360 %, что в итоге должно было составить 739,5 млн руб. [4. Ф. Р-751. Оп. 2. Д. 55. Л. 1–2].

ЦК ВКП(б) 15 февраля 1930 г. принял постановление «Об основных хозяйственных проблемах Средневолжского края», в котором признал объем и темпы индустриализации края недостаточными [11. С. 2; 15. С. 89–91]. В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) была создана комиссия ВСНХ по пересмотру первого пятилетнего плана края под председательством В.В. Куйбышева. Новый вариант плана намечал значительный сдвиг в сторону ускорения темпов индустриализации. 31 мая 1930 г. Президиум ВСНХ СССР утвердил новый вариант пятилетки развития народного хозяйства Средне-Волжского края, в котором объем капитального вложения в ценовую промышленность был увеличен с 220 млн руб. по первоначальному плану до 1039 млн рублей [1. С. 32]. Позднее, 14 декабря 1931 г., в письме на имя И.В. Сталина М.М. Хатаевич ставил вопрос о необходимости усилить энерговооруженность района [3. Ф. 1141. Оп. 12. Д. 1. Л. 296].

В регионе стала интенсивно реализовываться общегосударственная программа индустриализации. Промышленный облик региона стал меняться в сторону увеличения доли тяжелой промышленности, но основное место в валовой продукции к концу первой пятилетки занимали пищевкусовая, текстильная и другие перерабатывающие отрасли. Темпы же роста этих отраслей уступали темпам развития топливной, металлической, химической промышленности, индустрии стройматериалов [4. Ф. 751. Оп. 12. Д. 62. Л. 39–42]. Выше, чем по СССР в целом (22 %), были среднегодовые темпы прироста валовой продукции промышленности края в годы первой пятилетки, составившие 35 % [Ср: 11. С. 66; 13. С. 24].

Благодаря настойчивости и последовательности руководителей Средне-Волжского края, региону был задан вектор индустриального развития с достаточно высокой динамикой. М.М. Хатаевич имел полное право заявлять в 1932 г. о том, что «мы – край... невиданных темпов индустриального подтягивания. По новому проекту нашей краевой пятилетки рост валовой продукции края определяется примерно на 660 % против 170 % в среднем по СССР» [3. Ф. 1141. Оп. 42. Д. 56. Л. 48]. Но в первой пятилетке пролоббированный проект не был реализован в намеченных параметрах. Вместо увеличения объема валовой продукции промышленности в 6 раз был достигнут показатель в 3,3 раза, а удельный вес промышленности составил 41,7 % вместо запланированных 47 % [20. С. 392; 21. С. 218].

Исторический опыт показывает, что региональная промышленная политика как составная часть общегосударственной политики должна строиться индивидуально в зависимости от тех или иных факторов, учитывать тип региона, виды хозяйствующих субъектов, критерии выбора приоритетных отраслей промышленного производства, степень государственного воздействия и др.

Библиографический список

1. Большая химия Куйбышевской области. 1918-1975: сб. док-тов и мат-лов. Куйбышев, 1977.
2. Вестник Среднего Поволжья: Ежемесячный планово-экономический журнал. Орган Средне-Волжской областной плановой комиссии.
3. Государственное учреждение Самарской области «Самарский областной государственный архив социально-политической истории».
4. Государственное учреждение Самарской области «Центральный государственный архив Самарской области».
5. Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-262. Оп. 1. Д. 180.
6. Граммаков Л.А. 5-летний план индустриализации Средне-Волжского края. Самара, 1930.
7. Зенькович Н.А. Самые закрытые люди: Энциклопедия биографий. М., 2002.
8. Индустриализация СССР. 1926–1928 гг. Документы и материалы. М., 1969.
9. История индустриализации Урала: сб. док-тов и мат-лов. Свердловск, 1967.
10. История Куйбышевской области. Саратов, 1981.
11. Коммунист. 1930. № 2.
12. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 8-е, испр. и доп. М., 1970. Т. 5.

13. Народное хозяйство Куйбышевской области за 50 лет: стат. сб. Куйбышев, 1967.
14. Нижнее Поволжье. Орган Саратовской губернской плановой комиссии. Саратов, 1928.
15. Основные хозяйственные проблемы Средне-Волжского края. М.; Самара, 1930.
16. От программы к программе. Цифры и факты об успехах социалистического строительства Куйбышевской области (1919–1961 годы). Куйбышев, 1962.
17. Отчет Губземуправления и Губплана о работе в 1924/ 25 операционном году. Самара, 1926.
18. Отчет Самарского губернского комитета ВКП(б) XVI губпартконференции. Январь–ноябрь 1927 г. Самара, 1927.
19. Отчет Самарского губернского экономического совещания. Самара, 1921. Вып. 1.
20. Очерки истории Куйбышевской организации КПСС. Куйбышев, 1967.
21. Очерки истории Куйбышевской организации КПСС. Куйбышев, 1983.
22. Парамонов В.Н. Роль промышленности в развитии региональной экономики в первой половине XX века // Экономическая история России: проблемы, поиски, решения: ежегодник. Волгоград, 2009. Вып. 9.
23. Первая Средне-Волжская областная конференция ВКП(б). 20–23 августа 1928 г. Стеногр. отчет. Самара, 1928.
24. План ГОЭЛРО. 2-е изд. М., 1952.
25. План электрификации РСФСР. Доклад VIII съезду Советов Государственной комиссии по электрификации России. М., 1955.
26. Политбюро, Оргбюро, Секретариат ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС: справочник. М., 1990.
27. Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР. М., 1929. Т. III.
28. Резолюции XV Самарской губернской партконференции 27 декабря 1926 – 2 января 1927 гг. Самара, 1927.
29. Российский государственный архив научно-технической документации. Филиал в г. Самаре. Ф. Р-38. Оп. 4–6. Д. 22.
30. Российский государственный архив экономики. Ф. 4372. Оп. 30.
31. Самарский окружной комитет ВКП(б) Средне-Волжской области. Решения 3-го пленума. 7–10 декабря 1928 г. Самара, 1928.
32. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР.
33. Средне-Волжская область. К I областной конференции ВКП(б) и I областному съезду Советов. Самара, 1928.
34. Среднее Поволжье. Ежемесячный планово-экономический журнал. Орган Средне-Волжской плановой комиссии. Самара, 1928.
35. Труды ГОЭЛРО. Материалы по электрификации отдельных районов. М., 1964.
36. Уральский рабочий. 1929. 26 ноября.
37. Хонин В.А. Перспективы развития промышленности Средне-Волжского края// Энергетика и промышленность Средне-Волжского края. Самара, 1930.
38. Экономическое районирование России. Доклад Госплана ВЦИК. М., 1922.

**FACTORS AND PARTICULARITIES OF SHAPING OF INDUSTRIAL POLICY
IN THE SREDNEVOLZHISKY REGION ON THE BORDER 1920–1930 YEARS**

In the article on the base of the published sources and archive materials, the influence of geographical, economic, personal, administrative factor upon industrial policy is considered, the role of local organs of power in shaping industrial policy in the Srednevolzhsky region on the border 1920–1930 years is revealed.

Key words: industrial policy, industrialization, region, factors, district, planned mechanism, lobbying.

* *Paramonov Vyacheslav Nikolaevich* (parmia@mail.ru), the Dept. of History of Native Country, Samara State University, Samara, 443011, Russia.